

Впрочем, Иван на это обидеться не мог – не только из-за того, что было бы глупым с его стороны полагать, что они будут делать реальные усилия, когда, в сути своей, они являются всё теми же невежами, но, в отличие от своих предков, старательно скрывающими свои глупость и порок, пользуясь благами просвещения (что забавно, ведь великие идеологи просвещения отрицали абсолютную монархию, неважно, какой бы она ни была).

В действительности, их абсолютно не интересует наука.

Предел их мечтаний и амбиций – обрюхатить свою жёнушку (или быть осеменённой муженьком) так много раз, чтобы даже при детской смертности тех веков у него (или у неё, это неважно) было по несколько наследников и по кучке другой принцесс, при помощи которых можно было бы организовать выгодные династические браки; унижить условную Францию/Англию/Австрию/Пруссию/Швецию (подчеркнуть нужное); отхапать как можно больше земель.

Абсолютно всё вертится вокруг этих трёх целей: военные реформы, экономические реформы, реформа государственного аппарата и социальные преобразования, реформа образования и так далее по списку.

Весь перечень благих намерений, на самом деле, служит лишь кровопролитию.

Иван не желал служить никому из них, в том числе и Петру.

Однако, в таком случае, вставала дилемма: Если Ваня действительно хочет изменить мир к лучшему, то ему необходимо форсировать развитие одной конкретной страны и уже её ресурсами объединить весь мир, однако, такой подход требует от Ивана быть или правителем какой-либо страны, что, в его положении, невозможно (по крайней мере, весьма затруднительно; разве что Пётр, умный от природы человек, зная о талантах и амбициях Вани, дал бы ему хотя бы небольшой кусок земли под непосредственное прямое управление; а ещё можно просто создать войско из тысячи солдат с парой десятков современных артиллерийских орудий и пулемётов, а потом вторгнуться в какую-нибудь отсталую азиатскую страну, вроде империи Цин или империи Моголов, с целью отхапать самый хороший кусок их пирога), либо быть человеком, оказывающим достаточное влияние на государя и его решения, впрочем, важно лишь то, что в обоих случаях Иван отказывался от своей научной деятельности или, как минимум, серьёзно бы ограничил свои увлечения ею в угоду государственным делам, а это, какое бы из двух зол он не выбрал, было бы очень большим ударом для Ивана, ведь он, в первую очередь, не политик, не военный, не экономист и не социолог, а учёный, ум с великими амбициями в этом благом деле.

Иван не торопился решать оную проблему, однако, он прекрасно понимал, что с его-то Наполеоновскими планами, противоречащими, во многом, друг другу, ему далеко не уйти.

Нужно было делать выбор, причём, чем радикальнее и быстрее он его сделает, тем лучше будет для спокойствия его ума.

Впрочем, переживания были не единственной проблемой Ивана – он всё ещё сидел без дела, дожидаясь милостивого посещения императором его места заключения (в котором, правда, ему были доступны для личного пользования многие служанки, хорошие угощения, книги и даже собеседники в лице надоедливых учёных, как прибывших из-за границы, чтобы увидеть восхитительный и блистательный ум (напоминаю, он, помимо бездымного пороха и пенициллина сделал также довольно хороший труд по точным наукам, в котором открыл достаточно значительное количество законов, и именно за умом, открывшим эти законы, эти учёные приезжали, а не за его изобретения для организации ещё более кровопролитных войн), так и тех, кто уже достаточно давно прибыл в Россию (да, господа, Пётр Первый Великий нам, в буквальном смысле, подарил науку как явление, ведь до него учёных, тем более русских, в России было столько же, сколько у здоровых людей шестых пальцев на одной кисти – ровно ноль).

Ему они уже порядком надоели, Впрочем, как и задницы тех, кто ими отчаянно, в попытке услужить господину, двигал (Да, господа читатели, Иван не был девственником, как и большинство русских парней в его возрасте; надеюсь, ведь сам я... секрет, попробуйте угадать; скажу лишь, что, скорее всего, вы не угадаете; пожалуйста, не обижайтесь, дорогие юные читатели, у вас всё ещё впереди, и как только вы достигнете пункта назначения, вы поймёте, что быть девственником на последнем курсе химфака МГУ, то есть, в свои двадцать три года (молю Дарвина и Докинза, величайших из богов, чтобы я не ошибся с возрастом Ивана, потому что я его уже забыл и не могу отыскать) – это уже слишком; его тело взорвётся от СИЛЫ ЛЕБЕДЯ, так что, предположим, что лишился он девственности тогда же, когда и большая часть парней в России – в 16 лет).

Иван, утомлённый ожиданием, огорчённый отсутствием ответов на его письма царю, обзлённый на изрядно осточертевших уже учёных и наскучивших донельзя местных девиц, решил сделать то, что запретил ему на время Пётр, дабы привлечь, наконец-то таки, его внимание – создать что-нибудь новое, опасное или очень выгодное.

Он решил сделать то, за что его будут проклинать все подряд, начиная с католиков и последователей меркантилизма, заканчивая самыми отбитыми коммуняками – он создаст, в буквальном смысле, за место Адама Смита, собственную версию “Богатства народов” (нет, это не воровство, потому что всем известный как отец экономики шотландец ещё даже не родился).

Ведь что может быть проще, как описывать уже известные и понятные тебе постулаты экономики с точки зрения существующей экономической системы?

Верно, очень много чего, но, согласитесь, это уже, само по себе, лучше, чем начинать с ничем, довольствуясь поначалу лишь сомнениями в некоторых из существующих принципах и, исходящим из оных, желанием опровергнуть эти самые положения...

p.s. Знаете, что такое самое приятное чувство на свете?

Это чувствовать, как сгорают от ненависти к вам чьи-нибудь жопы, чувствовать, как эти люди обрастают таким слоем жгучей ненависти, что они готовы вас голыми руками задушить при

первом же вашем посещении их поля зрения, изнаsilовать ваш холодный безжизненный труп, насмеяться всей толпой над ним длительное время, потом воскресить ваше чело, сделать множественные модификации тела, снова насилловать, снова убить любым из доступных извращённым способом, потом снова воскресить и так до конца времён, невзирая на то, что вы уже давным-давно сломались под натиском боли, которую не видывали даже те, кто обречены вечно гореть в невероятных муках в адских котлах и печах, будучи жертвами кольев и пик чертей, насмехающихся над вами, как над глупым животным (модификации тела на нелегальной основе мало того, что баснословно дороги, так ещё и невероятно вредны для тела модифицируемого, что, впрочем, логично; а ещё не стоит забывать о том, что вас насилуют бесконечно долгое время, убивают, а потом снова воскрешают, дабы в этот раз всё было куда изысканнее и изощрённее).

Люди, находящиеся в такой кондиции, настолько уязвимы даже к жирному троллингу, что любое слово, которое унизит их ещё пуще будет той искрой, из-за которой их вулкан говна взорвётся, разбрасывая оное на всю округу, вызывая нескончаемое удовольствие у того, кто стал причиной всего этого...

Нет, я не садист (надеюсь, надеюсь...), я просто настолько вот злобный мудака.

<http://tl.rulate.ru/book/35676/809951>